

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Разработка серийного оформления *А. Иванова*

Редактор серии *А. Антонова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80

Красотка : роман / Татьяна Устинова, Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-101977-8

Новый роман из цикла «Дела судебные» от одного из самых известных творческих дуэтов — Татьяны Устиновой и Павла Астахова — рассказывает о красоте и молодости. Стоит ли прибегать к помощи пластической хирургии или каждый уникален именно своей изюминкой, теми самыми морщинками в уголках глаз, огромными щечками, неклассической формой носа — всем тем, что делает человека одним на миллион? Стоит ли удерживать молодость любой ценой или можно стареть красиво? Судья Елена Кузнецова сталкивается с этими вопросами на процессе Элеоноры Сушкиной, которую, как она сама заявляет, изуродовали в известной клинике пластической хирургии. Но так ли все было на самом деле?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101977-8 © Астахов П., Устинова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава первая

Рыба была раздувшаяся и бугристая. Похожая на изъеденную коррозией глубинную бомбу. Даже во сне я сильно встревожилась: а ну как сейчас рванет?

Но рыба вела себя беспокойно. Плавники у нее так и ходили, и шевелились губы, похожие на шлепанцы из алой резины. У моей Сашки точно такие же... Не губы, конечно, а шлепанцы!

Я решила, что есть серьезный повод проснуться. Вдруг это красный сигнал подсознания о том, что у дочки проблемы? Тогда негоже матери-кукушке спать, как сурок. Пусть даже мать-сурок, тьфу, кукушка, легла лишь под утро, засидевшись над материалами очередного дела.

Прояснить ситуацию с губами-шлепанцами на месте, во сне, не представлялось возможным: рыба артикулировала энергично, но беззвучно. А допрашивать в качестве свидетеля подсознание и пробовать не стоило. Я — судья, а не психоаналитик.

Усилием воли вынырнула из глубокого сна, и тут же включился звук. Кто-то или что-то протяжно выло.

Я с трудом разлепила веки — и к звуку прибавилась картинка.

Ой, мама, что это?!

Надо мной кривилась и всхлипывала опухшая и перекошенная физиономия с губами, точно в стиле Сашкиной пляжной обуви. Рыба, да и только. Глаз за припухлостями и синяками не было видно. Однако они, очевидно, имелись, потому что мое пробуждение не осталось незамеченным. Физиономия перестала неинформативно всхлипывать и относительно внятно провыла:

— Ле-е-енка! Памахиии!

Я еще успела подумать, что плаксивому чудищу очень не повезло. К такой-то наружности да и дефекты речи! А потом в мозгу у меня строго стукнул молоточек, и все встало на свои места.

Первое, меня назвали по имени.

Второе, слезно просили помочь.

Третье, голос был женский и очень хорошо знакомый.

— Натка?!

Я, по-моему, даже подпрыгнула, одеяло свалилось на пол, я пошарила рукой и потянула его на себя, не отводя глаз от чудища. Но тут же малодушно зажмурилась и даже немного отползла назад.

Заметив мой произвольный маневр, сестрица взвыла громче и горше:

— Я такая стра-а-ашная, да-а-а?

— Смотри с кем сравнивать, — пробормотала я с неуместной в данной ситуации честностью.

Но тут же опомнилась:

— Что случилось, Нат?! Что это с тобой?! Тебя били?! Кто, когда?! Полиция побои зафиксировала? Ты на чем приехала? Давай срочно в травмпункт, я с тобой...

— Ы-ы-ы! — прорыдала сестрица и рухнула в постель рядом со мной.

Постепенно кое-что прояснилось.

Спрятав в подушку то место, где раньше у нее было лицо, Натка рыдающим голосом изложила свою историю. Она была банальна и трагична одновременно.

Моя сестрица — дама приятная во всех отношениях, по этой причине так называемая «личная жизнь» у нее на редкость бурная. Иногда я ей завидую — сколько сил у человека, а энтузиазма еще больше!.. Кавалеров она меняет как перчатки: одни стянула, голыми руками цепко схватила другие, надела — и пошла красоваться, походя поглядывая, не попадет ли ей пара еще лучше. Обычно этот процесс имеет характер конвейерно-поточного, но в нем случаются и технологические паузы. Очередной простой между романами слегка затянулся, и Натка решила использовать время с умом. Взяла на работе от-

пуск, сослала сына Сеньку в деревню и отправилась в разрекламированную клинику — добавлять себе красоты.

— Ну, контур лица подправить, носогубки убрать, веки подтянуть — сама понимаешь, в моем возрасте уже пора, — объяснила свои мотивы сестрица.

— В самом деле? — озабоченно пробормотала я, непроизвольно взглянув в зеркало.

В зеркале ничего хорошего не показывали — моя собственная комната, разгромленная кровать, тоже собственная, и моя же личная физиономия, по утреннему времени довольно помятая, прямо скажем.

Натка — моя младшая сестра. Если ей уже пора, то мне и подавно, так?

Я пожалала плечами и помотала головой. И мое отражение в зеркале тоже пожало и помотало — мол, нет, не пора, ты что, ты еще молодая! И потом, откуда у нас время и деньги на такие забавы?

— И ты сделала пластическую операцию. — Я подвела итог и профессионально не затруднилась вынести безжалостный вердикт:

— Натка, ты дура! Куда ты пошла, где тебя резали? И кто? Ученик мясника?

— Мам, ты че? — В комнату заглянула Сашка. — Щас все улучшаются, повально! Ты бы вон «Инстаграм» открыла! Любая бьюти-блоггерша тебе популярно все объяснит.

Защитник явился, ага. В руке у «адвоката» был большой прозрачный стакан с неаппетитным месивом бурого цвета. На лице — мозаика слабого сочувствия и острого любопытства.

— Чтоб ты знала, это страшно известная клиника! — вынырнула из подушки обиженная Натка. — «Идеаль Бьюти» называется. Ее сейчас на каждом шагу рекламируют, я видела кучу роликов и целую телевизионную передачу с участием, между прочим, звезд эстрады и кино!

— Она еще верит в рекламу по телику! В ее-то возрасте! — Сашка закатила глаза, да так и ушла в кухню. А там сослепу смачно врезалась в табуретку и выругалась от души.

— Александра, будешь мыть рот с мылом! — Я повысила голос.

Надо бы наказать, но я только тяжело вздохнула.

Четырнадцатилетняя дочь — это карбонарий в мини-юбке. Мать для нее давно не авторитет, а теперь вот и любимая тетя себя дискредитировала.

— Портишь мне всю педагогику, — попеняла я Натке и осторожно погладила ее по голове — мало ли, может, она волосы тоже... улучшила. — Ладно... Так чего теперь делать-то? Это вообще поправимо?

— Это? — сестрица обвела в воздухе новый контур своего лица.

Ох, елки-палки!..

Раньше Наткино лицо было овальным, вполне симпатичным, теперь получилась не описанная в геометрии фигура, вроде кривого мыльного пузыря.

— Это должно быть поправимо, — с нажимом выговорила Натка. — Надо только найти действительно хорошую клинику. И еще деньги на новую операцию.

— А нельзя ли с учетом полученного результата, который вряд ли соответствует запланированному, вернуть ту сумму, которую ты заплатила этим резчикам-закройщикам в «Идеаль-как-то-там»? — спросила я.

— «Идеаль Бьюти». Можно просто клиника «Бьюти», они там между собой ее так и называют, чтобы отстраниться от конкурента с похожим названием. — Натка слезла с кровати, затопала по полу в поисках тапок. — Мне срочно нужен кофе с коньяком. Или просто коньяк, без кофе.

— А мне нужно, чтобы ты не оказывала дурного влияния на моего ребенка! — зашипела я. — А моя дочь, между прочим, твоя племянница! Какой коньяк в семь утра?! Кстати, а почему ты к нам в такую рань?

— Ехала по темноте, чтобы народ не пугать.

— Могла просто позвонить, я бы сама к тебе приехала.

— Ты что? — Натка возмутилась. — Я не могла в таком виде оставаться дома! Вдруг заглянет кто-то из друзей-знакомых, проверка какая-ни-

будь из ЖЭКа явится или соседка припрется, она вечно зарядник свой теряет! Нельзя, чтобы люди видели меня такой!

— А мы, значит, не люди! — издали ехидно заметила Сашка.

— Спокойно. — Я зашла в кухню и укоризненно взглянула на дочь.

Заодно посмотрела, чем она завтракает. Той самой подозрительной коричневой бурдой и еще чем-то белым из баночки.

А ведь буквально на прошлой неделе моя девочка с удовольствием уплетала сладкую овсянку на молоке с вареньем, изюмом и молотыми орехами! У нас даже своя семейная шутка по этому поводу была.

Я голосом английского дворецкого чопорно спрашивала: «Овсянки, сэръ?» — а Сашка отвечала, как Джеймс Бонд: «Смешать, но не взбалтывать!»

Но теперь сплошной «Брекзит»! Мамины добрые советы и рецепты у дочери не в чести, зато пубертатная дива Анфиса Гривцова, первая красавица восьмого «Б», стала признанным авторитетом и гуру во всем, включая вопросы питания. И ладно бы дочь просто изменила свое меню. Так нет же! Она устроила из этого очередную революцию с демонстрациями протеста и программными заявлениями. Только нынче ночью, заглянув в холодильник в поисках чего-нибудь, способного успокоить и подпитать мой утомленный,

возмущенный и закипающий разум, я нашла на полке манифест.

«А кто сожрет смузи из сельдерея со шпинатом, сам побежит ночью в круглосуточный магазин на проспекте! Спорт-френдли!» — явно адресуясь старушке-матери, написала моя непочтительная дочь.

А, так это в баночке — сельдереево-шпинатный смузи. Ладно, не худший вариант.

— То есть ты пока не собираешься к себе возвращаться? — я обернулась к Натке.

— Да, поживу у вас немножко. Не прогоните? — сестрица попыталась соорудить жалобную мордочку.

Получилось просто жутко. Будь среди нас чудовище Франкенштейн — бросилось бы к Натке с распростертыми объятиями и радостным криком: «Узнаю брата Колю!» — как в бессмертном романе классиков советской сатиры. Там братьев зовут как-то иначе, но суть... именно такая... Суть в том, что моя сестра собирается со мной жить!

— Конечно, поживи, сколько нужно, — слегка поежившись, ответила я. — Можешь спать в моей комнате, кровать большая, мы обе поместимся.

— Ой, совсем как в детстве! — растрогалась сестрица. — Тогда я распакую чемодан!

И, всхлипывая, поволоклась в прихожую. Мне показалось, что в кухне стало немного тем-

нее — переливы Наткиных синяков, рубцов и фингалов на самом деле отражали свет.

— Мам, ты уверена? — взрослая мудрая дочь скептически посмотрела на неразумную родительницу. — Представь, проснешься ты среди ночи — а на соседней подушке вот такое!

— Я буду на ночь косметическую маску надевать! — пообещала чуткая Натка из прихожей. — Тканевую, с пропиткой из целебных масел и трав.

— Маска, маска, я вас знаю, — фыркнула Сашка и залпом допила свою бурду. — Все, пока, я побежала!

Дочь умчалась в школу.

Оставшись на кухне в одиночестве, я быстро проинспектировала холодильник. Как обычно, там было просторно, если не сказать прямо — пусто. А ведь теперь нас трое, причем Сашка и Натка захотят пообедать. Я тоже захочу, но меня спасет служебная столовая, а вот девчонкам надо бы что-то оставить... Хотя бы руководящие указания.

— Натка! — позвала я. — В морозилке есть овощная смесь и полкурицы, можешь сварить суп.

— Это вопрос, совет или распоряжение?

Приободрившаяся сестрица выглянула в коридор из нашей отныне общей спальни, и я фыркнула, как недавно Сашка:

— Маска, маска, я вас знаю!

Натка уже надела маску. Не косметическую, которая была запланирована на ночь, а обычно-

венную медицинскую. Губы-шлепанцы она милосердно скрыла — и на том спасибо.

— Это настоятельная рекомендация, — ответила я в продолжение разговора о супе. — И еще неплохо было бы кому-нибудь сходить за хлебом, молоком и йогуртом, потому что я могу вернуться поздно, когда магазинчик в соседнем доме уже закроется.

— Не переживай, мы что-нибудь придумаем, не маленькие, — отмахнулась сестрица. — Ты лучше поразмысли, чего теперь нам делать-то. Ты же — судья! Ты кого хочешь засудишь, а их, сволочей этих, нужно судить самым страшным судом! Тебе нужно их засудить на фиг, лучше пожизненно!

— Спихватилась, — буркнула я.

В ванную мне нужно, и на работу, а не выслушивать всякие глупости о том, кого и как я должна судить.

Вы мне еще про «не суди, да не судим...» расскажите!

Я остервенело чистила зубы и прикидывала план дальнейших действий — понятно, что Наткину проблему придется как-то решать, и это досталось именно мне.

Я наспех намазала лицо кремом, распахнула дверь и крикнула в сторону комнаты:

— На-ат! Тебя в этой клинике оперировали официально? С договором, с оплатой по прайсу?

— Конечно! Я же не полная идиотка!

Я удержалась и смолчала.

Перешла к самому главному. Спросила по существу:

— Твой экземпляр договора у тебя? Дай сюда, я изучу этот исторический документ.

Натка шустро метнулась в прихожую, сняла с вешалки свою сумку, извлекла из нее тонкий пластиковый файл с бумагами. Вручила его мне со льстивыми словами:

— Хорошо, когда сестра — юрист!

— Хорошо, когда сестра-юрист подключается вовремя, — поправила я. — На стадии строительства наполеоновских планов, а не после Ватерлоо!

— Какого еще ... Ватерлоо? — опешила Натка.

— А никакого, — пробормотала я.

И затолкала сестрицыны бумаги в сумку вместе со своими.

У меня разной ценной макулатуры полным-полно. Что ни дело, то пухлый том. Те, кто говорит, что прошли времена, когда Россия была самой читающей страной в мире, упускают из виду работников отечественной судебной системы. Наш судья — самый читающий судья на планете и в ближнем космосе!

Помню, когда я только приступила к работе в Таганском суде, в наследство от предшественника мне досталось два десятка дел. Каждое — минимум в трех томах! С тех пор я обеспечена чтивом, которое никогда не заканчивается.

Я читаю и на работе, и дома. Специально сменила солидный кожаный портфель на невесомую компьютерную сумку из плащовой ткани, чтобы руки не отрывались от тяжести бумажного груза.

«Страшные сказки на ночь» — так называет это судейское чтиво моя милая язва, родная дочь.

Зато мне не нужны никакие курсы скорочтения, соответствующий навык я приобрела самостоятельно. И совершенно бесплатно, что очень важно, ведь по части размера вознаграждения за свой труд российский судья тоже один из самых-самых...

Сашка недавно выкопала в Интернете информацию о величине средней заработной платы вершителей правосудия в разных странах. Так Россия в нем на сорок первом месте! Из сорока восьми. А лидер — Шотландия.

Эмигрировать, что ли? Роберт Бернс, вересковые пустоши, флаги на башнях, всякое такое... И судят там, наверняка, в старинных замках! Идешь себе по изумрудной траве в мантии, парике и бонете, а под мышкой алый бархатный бювар, и вокруг кусты роз, и сеет мелкий дождь из низких облаков, которые цепляются за шотландские горы, красота!

Увы, у меня был не алый бархатный бювар, а объемистая увесистая сумка, с которой я чувствовала себя почтальоном Печкиным. Это кто стучит ко мне, с толстой сумкой на ремне? Это он, это

он... Печкин, старый почтальон. Без пяти минут пенсионер с искривленным позвоночником и плечами одно другого выше. Вот это и есть настоящая профессиональная деформация. Мне-то до пенсии еще далеко, но перекошенные плечи с таким спортивным снарядам, как неподъемная сума с макулатурой, я себе, пожалуй, уже организовала, как и боль в спине.

Поясница у меня ноет регулярно и сильно. Кто знает, что это такое, тот поймет...

Настроение, и без того небезоблачное, стремительно портилось.

Уже выйдя из дома, я вспомнила о том, что до сих пор мое подсознание милосердно прятало в своих глубинах: сегодня мне придется добираться на работу на общественном транспорте.

Ой-ой, а я ведь думала вечером заехать в клинику, где изуродовали Натку, и провентилировать там вопрос возврата денег. А теперь, значит, придется отказаться от этого благого намерения. Или ехать через весь город на метро, а потом еще на маршрутке.

Все-таки нас, людей, природа устроила лучше, чем мы — наши собственные творения, я имею в виду машины и механизмы. Возьмем, к примеру, для сравнения меня и мою любимую «Хонду». Доктор, к которому я обращалась по поводу начинающегося гастрита, настаивает, чтобы я ела тушеную телятину, отварную форель и котлетки из индюшатины, запивая их козьим

молоком или киселем из протертой малины. А я закидываюсь магазинными пельменями, если, конечно, случится такое счастье, и они найдутся в холодильнике. Или варю супчик из замороженных овощей на бульоне на букву «К». Не из курицы — из кубиков. Курица — это роскошь.

...Интересно, сварит Натка супец или нет?..

А вот моя «Хонда». Ей в идеале нужен хороший дорогой бензин. На плохом дешевом она соглашается ездить недолго и очень скоро оказывается на больничном в автосервисе. Если же денег у меня в кошельке хватает только на пельмени, машинке приходится и вовсе давать выходящей. На бульоне из кубиков она работать не умеет, а жаль...

За этой прискорбной философией я и скоротала дорогу до работы. Очнулась только когда услышала:

— О чем задумалась, Елена Прекрасная?

Ого, как я углубилась в размышления! Целого председателя суда в коридоре не заметила! А он вот и поприветствовал меня, и даже подмигнул...

Небывалый случай! Обычно Плевакин со мной чинно здоровается. Мне бы насторожиться, но я не почувствовала ничего недоброго. Как видно, подсознание с интуицией полностью выложились на вещий сон о губастой рыбе.

— Доброе утро, просто настраиваюсь на работу, — уклончиво ответила я, слепо тыча ключом в дверь своего кабинета.